

Библейско-богословская коллекция
Серия «История древней Церкви»

Успенский Ф., свящ.

МИЛАНСКИЙ ЭДИКТ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО

Православный собеседник, 1913, II, с. 305-346

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Миланскій Эдиктъ Константина Великаго.

Миланскій эдиктъ Константина Великаго представляет собою очень важный документъ всемірной исторіи. Начиная съ самаго того дня, когда былъ подписанъ этотъ законодательный актъ, мысль христіанина часто обращается къ Миланскому эдикту. Въ немъ справедливо указывается основа церковной политики въ христіанскомъ государствѣ ¹⁾. Поэтому всегда полезно изучать этотъ первый ²⁾ законъ о свободѣ христіанской религіи въ государствѣ. При этомъ надо имѣть въ виду, что въ наше время политическая жизнь выдвигаетъ на первую очередь сложный вопросъ о взаимоотношеніи церкви и государства. Обратиться за руководствомъ въ рѣшеніи этого вопроса къ начальному моменту, когда Римское государство перестало быть чисто языческимъ, весьма поучительно во всѣхъ отношеніяхъ.

Миланскимъ эдиктомъ былъ ознаменованъ тотъ переломъ, какъ-бы кризисъ длительной болѣзни, который наступилъ въ дни Константина Великаго. Гордый властелинъ всего міра тогда смиренно припалъ къ подножію кресла Христова и облобызалъ его. Кончилась безпощадная кровавая борьба язычества противъ христіанства,

¹⁾ Проф. Э. А. Кургановъ. Отношенія между церковною и гражданской властью въ Византійской имперіи. Казань. 1880 г., см. стр. 10-ую и слѣд.

²⁾ Толерантные эдикты предшествовавшихъ царствованій не были столь значительны по своимъ послѣдствіямъ, какъ Миланскій эдиктъ 313-го года.

длившаяся три столѣтія. На престолѣ цезаря ¹⁾ возсѣдалъ христіанинъ, и съ высоты этого трона возвѣщена свобода христіанамъ всего міра.

Приведемъ на память нѣкоторыя данныя о происхожденіи и жизни Константина Великаго. По нимъ мы постараемся выяснитъ трудный жизненный процессъ, которымъ обусловлено было появленіе Миланскаго эдикта. Конечно, вся предшествовавшая исторія императорскаго Рима издалека подготавливала собою этотъ переворотъ въ направленіи римскаго законодательства. Историческія традиціи въ сочетаніи съ личными симпатіями Константина Великаго породили его. Мы постараемся изучитъ генезисъ столь важнаго событія, и основою для этого изученія намъ пусть будетъ служить душевный переворотъ, пережитый Константиномъ Великимъ, непосредственно предшествовавшій изданію Миланскаго эдикта.

Отцомъ Константина Великаго былъ извѣстный боевыми заслугами и мудрымъ правленіемъ кесарь Галліи и Британіи. Его имя было Флавій Валерій Констанцій Хлоръ. Оно съ признательностью и любовью произносилось подданными. Существуютъ нѣкоторыя указанія, что этотъ соправитель Діоклетіана велъ свой родъ отъ императора Клавдія ²⁾. Но эти указанія нельзя называть рѣшительными. Гораздо вѣроятнѣе думать, что Констанцій Хлоръ шелъ къ славлѣ тою самою дорогою, которая скоро привела простыхъ солдатъ на высшія ступени командованія. Это путь, которымъ прошелъ къ трону впоследствии, на примѣръ, Θεодосій Великій. Военные успѣхи и преданность арміи выдвинули Констанція Хлора, и тогда возникло желаніе связать его родъ съ какими либо коронованными предками.

¹⁾ Тертуллианъ утверждаетъ, какъ аксіому, что цезари, лишь переставши быть цезарями, могутъ сдѣлаться христіанами (Apologet 21. Migne, t I, pag 403. Этотъ обольстительный (см. Лук. 4. 6) взглядъ нашель блестящее опроверженіе въ лицѣ Константина Великаго.

²⁾ Этотъ императоръ Клавдій (268—270 по Р. Хр.) извѣстенъ подъ прозвищемъ „готическій“.

Магъ Константина Великаго есть знаменитая и „богочестивая“ царица Елена. Но и она достигла этой высоты не по знатности происхожденія, а за личныя достоинства. Она принадлежала, такъ сказать, къ мѣщанской семьѣ и была расположена къ христіанству или, какъ предполагають, была уже христіанкою въ то время, когда ея красотою плѣнился Констанцій Хлоръ. Съ того времени она безотлучно пребывала при немъ, раздѣляя всѣ труды походной жизни. Она украшала жизнь блестящаго генерала. Нѣжная любовь ея и кротость характера были причиною того, что Констанцій Хлоръ, постепенно возвышаясь самъ, съ теченіемъ времени возвысилъ и Елену до положенія законной жены и почтенной матроны и счастливой матери.

Константинъ Великій былъ первенцемъ счастливой избранницы сердца. Онъ родился 27 февраля 272 года¹⁾. Лагерь Констанція Хлора тогда стоялъ близъ Ниша, нынѣ сербскаго города. Обрадованные родители назвали младенца Константиномъ, потому что это было, повидимому, наиболѣе для нихъ желательное имя. Родившаяся у Констанція Хлора впоследствии дочь была названа Константиною. Для насъ не лишено интереса полное римское имя Константина Великаго. Оно читалось такъ: Кай Флавій Валерій Аврелій Клавдій Константинъ. Сверхъ того, въ одной надписи на медали Константина Великаго встрѣчается еще прономень: Маркъ. Имя Флавій указываетъ на желаніе связать родъ Констанція Хлора и его сына съ фамиліей императора Веспасіана, а имя Клавдій указываетъ на ранѣе уже помянутое нами преданіе о родствѣ съ императоромъ Клавдіемъ „готическимъ“.

Никогда не разлучаясь съ Констанціемъ Хлоромъ, Елена давала Константину воспитаніе въ духѣ той религіи, которую сама исповѣдывала. Доброе согласіе, спокойствіе и чистая любовь господствовали въ этой семьѣ. Но вотъ молодой женщиной былъ нанесенъ ударъ въ сердце. По требованію Максиміана Геркулча, Констанцій Хлоръ развелся съ избранницей сердца. Въ залогъ вѣрности

¹⁾ Эту дату нельзя считать вполне точно установленной

своему „августу“ и повелителю всего запада, Констанцій Хлоръ низвелъ Елену въ ея первобытное состояніе ¹⁾ Онъ женился теперь на падчерицѣ Максиміана Геркула, Теодоръ. Вторая супруга кесаря тоже была христіанкою. Она не внесла какихъ либо новыхъ началъ въ жизнь этой семьи. Сынъ Елены воспитывался въ правилахъ христіанской вѣры. Впрочемъ, Константинъ Великій скоро былъ взятъ изъ родной семьи. Въ качествѣ блестящаго пажы, онъ сталъ служить въ Никомидіи, при дворѣ императора всей имперіи Діоклетіана, являясь порукою за вѣрность кесаря Галліи и другихъ западныхъ провинцій. Его мать и самъ Константинъ съ величайшею покорностью вынесли эту превратность судьбы, ожидая лучшихъ дней. Вернувшись въ домъ родителей, Елена продолжала занятія прежняго своего званія, а ея сынъ, достигшій имперагорскаго трона, ее нашелъ въ положеніи содержательницы постоялаго двора и возврагилъ ей весь блескъ и достоинство катери царя.

Каковы были религіозныя убѣжденія Констанція Хлора? Этотъ блестящій вождь римскихъ армій придерживался тѣхъ религіозныхъ воззрѣній, которыя были распространены въ то время среди военныхъ. Онъ не былъ христіаниномъ. Но ему чужды были также суевѣрія грубаго язычества. Онъ былъ монотеистъ. Лагерная жизнь не располагала тѣми условіями, когда подыскиваются философскія основанія, чтобы отрицательно относиться къ искаженію идеи о Божествѣ въ политеизмѣ. Единымъ богомъ Констанція Хлора было языческое божество Митра. Ему поклонялись римскіе легіонеры, заимствовавъ это божество съ востока, отъ границъ Персіи. Въ его лицѣ солдаты чтили „необѣдимое солнце“. Въ многовѣковой эволюціи язычества культъ Митры до нѣкоторой степени подготавливалъ язычниковъ къ усвоенію христіанства. Кон-

¹⁾ Сказаніе о Константинѣ Великомъ и матери его Еленѣ, изданное Гейденрейхомъ. См. Прибавленія къ твореніямъ свв. отцевъ, 1881 г. 28, стр. 565.

станцій Хлоръ поэтому весьма близокъ былъ къ христіанству ¹⁾).

Подъ благотворнымъ вліяніемъ Елены, онъ прекратилъ домашнія куренія и жертвы ларамъ. Статуи боговъ не были вынесены. Но онъ разсматривались въ этомъ просвѣщенномъ семействѣ, какъ украшеніе комнатъ. Епископовъ и священниковъ часто можно было встрѣтити въ въ сообществѣ Констанція Хлора. Онъ охотно бесѣдовалъ съ ними. Изъ наставленій ихъ онъ усвоилъ такія правила жизни, которыя дѣлали его „украшеніемъ рода человѣческаго“ на тронѣ кесарей. Его подданные оказались счастливѣе всѣхъ другихъ обитателей обширной имперіи. Съ завистью смотрѣли на нихъ жители восточныхъ и южныхъ провинцій. Безопасность жизни, равенство и справедливость въ взиманіи налоговъ, строгая законность скоро сдѣлались приманкой, привлекавшей множество эмигрантовъ въ провинціи Констанція Хлора. Любовь арміи сдѣлала военныя предпріятія его безусловно счастливими.

Кромѣ того, было и еще одно важное обстоятельство въ характеръ правительственной дѣятельности Констанція Хлора. Оно ближайшимъ образомъ подготовило благородную рѣшимость Константина Великаго объявить свободу христіанамъ. Имѣемъ въ виду отношеніе Констанція Хлора къ христіанамъ. Въ дни жестокаго гоненія со стороны Діоклетіана, Констанцій Хлоръ былъ кротокъ къ христіанамъ. Онъ смягчилъ кровожадную прямолинейность враждебныхъ христіанамъ законовъ. Это сопровождалось самыми добрыми послѣдствіями. Благоволеніе Божества и неизмѣнное счастье сопутствовало Констанцію Хлору, какъ-бы въ награду за его благочестіе. Съ этими мыслями Константинъ Великій разсматривалъ впоследствии подвиги отца. Добрый примѣръ нашелъ себѣ лучшаго подражателя.

¹⁾ *Schultze*. Konstantin der Grosse. Real-Encyclopädie *Hauck Herzog a*, t. X, s. 758.

Источники не сохранили намъ свѣдѣній о томъ, съ какими чувствами Констанцій Хлоръ и его сынъ разставались съ Еленою. Константину Великому было въ то время уже достаточно лѣтъ, чтобы сознательно отнестись къ этому происшествію. То былъ вѣкъ, чуждый сентиментальностей. Глубокія переживанія въ столь драматической обстановкѣ не нашли себѣ отклика въ документахъ той эпохи.

Но вотъ Константина Великаго видимъ во дворцѣ Діоклетіана. Разлученный отъ матери, къ которой питаль самую нѣжную привязанность, онъ со всею отвагою посвящаетъ свои силы военнымъ упражненіямъ. Въ нихъ раскрылись его природные таланты. Онъ достигъ отмѣннаго искусства въ военномъ дѣлѣ. Свою храбрость онъ съ успѣхомъ проявлялъ въ борьбѣ съ врагами имперіи. Его выдержанность, свободное подчиненіе военной дисциплинѣ, благоразуміе и разсудительность скоро выдвинули его до положенія „перваго трибуна“ высшаго разряда въ той воинской части, къ которой онъ былъ причисленъ. Благородство характера сблизило его съ солдатами. Своею любовью и преданностью они платили ему за высокія качества его командованія.

Физическое здоровье и сила были наградою за воздержаніе и добрыя правила нравственности, привитыя Константину его матерію. Онъ вступалъ въ тотъ возрастъ, когда красота лица и внушительная осанка предвѣщали ему широкую извѣстность среди современниковъ ¹⁾. Діоклетіанъ охотно выдвинулъ его изъ ряда сверстниковъ его. Императоръ любилъ показываться войскамъ, имѣя по правую сторону Константина Великаго. Этимъ подчеркивалось въ всеобщемъ сознаніи высокое значеніе достигнутыхъ Константиномъ успѣховъ. Особенно популярнымъ сдѣлалось имя молодого вождя послѣ удачнаго похода противъ египетскихъ мятежниковъ. Легіоны были въ восторгѣ, оцѣнивъ по достоинству Константина, его неутомимость въ трудахъ, находчивость въ распоряженіяхъ и

¹⁾ Zahn Skizzen aus d. a. Kirchg. Erlangen, 1894. S. 241 - 266.

счастливую звѣзду, которая указывала ему вѣрный путь къ престолу Цезаря и Октавія.

Въ душевномъ развитіи Константина Великаго осталось много слѣдовъ пережитаго въ періодъ его придворной жизни. Симпатіи къ христіанамъ, связанная съ впечатлѣніями дѣтства и отрочества, окрѣпли въ Константинѣ Великомъ. Кровавая оргія послѣднихъ лѣтъ Діоклетіана пробудила въ немъ преданность религіи его матери. Будущій императоръ сталъ на сторону преслѣдуемыхъ. Но онъ долженъ былъ скрывать до извѣстнаго времени свои чувства.

Пребываніе въ Никомидійскомъ дворцѣ было прекрасной школой, которая подготовила Константина Великаго къ борьбѣ съ соперниками за преобладаніе въ Римскомъ государствѣ. Здѣсь онъ увидѣлъ достоинства и недостатки соправителей Діоклетіана. Это знакомство оглохло для него тотъ мечъ, которымъ онъ сокрушилъ язычество и его сильныхъ покровителей.

Прежде всего скажемъ о Галеріи. Грубый солдатъ этотъ былъ суровъ по внѣшности. Онъ былъ молчаливъ, пока не слышалъ лести своимъ талантамъ военачальника. Но зато чѣмъ беззагнѣчивѣе была лесть, тѣмъ хвастливѣе становился кесарь восточныхъ провинцій. Фанатикъ языческихъ суевѣрій, онъ былъ идейнымъ руководителемъ правительства въ борьбѣ противъ христіанъ. По своей грубости, отталкивающимъ образомъ онъ дѣйствовалъ на юнаго Константина Великаго. Онъ ненавидѣлъ юношу за его воздержный образъ жизни, потому что самъ предавался всякимъ излишствамъ. Галерій замѣтилъ покровительственное вниманіе къ Константину Великому со стороны Діоклетіана и мечталъ уничтожить соперника.

При дворѣ Діоклетіана юный Константинъ имѣлъ возможность оцѣнить по достоинству Максимиана Дайю. Это былъ племянникъ Галерія, сынъ его сестры. Въ жестокости противъ христіанъ Максиминъ превзошелъ Галерія. Родство съ кесаремъ указывало на вѣроятность дальнѣйшаго возвышенія Максимиана. Однако, уже недалекъ было то время, когда Галерій и Максиминъ должны были

уступить исторической необходимости и прекратить безбожное гонение.

Изъ ненависти къ Константину, Галерій выдвинулъ въ послѣдствіи на сцену исторической жизни Севера. Это былъ любимецъ Галерія. Онъ, въ кратковременное правленіе свое въ Италиі и въ Африкѣ, украшалъ свою голову императорскимъ вѣнцомъ западной части имперіи. Но въ 307-мъ году онъ безславно сошелъ въ могилу послѣ военныхъ неудачъ. Судьба этого любимца Галерія, между прочимъ, навела умъ Константина Великаго въ 312-мъ году на мысль искать помощи только отъ Бога, а не отъ людей. Эта мысль о Богѣ спасла Константина въ одинъ изъ критическихъ моментовъ его жизни.

Таковы были враги Константина Великаго. Враждебныя намѣренія ихъ онъ скоро замѣтилъ. Но былъ при дворѣ Діоклетіана одинъ человекъ, звѣзда котораго неожиданно поднялась, но отреченіи Діоклетіана отъ трона 1-го мая 305-го года. Это Ликиній. Онъ вѣрно оцѣнилъ способности и успѣхи Константина и старался дружить съ нимъ. Однако, тотъ же Галерій принялъ всѣ мѣры, чтобы Ликинія поставить во враждебное положеніе къ Константину Великому. Какъ гольцо, по отреченіи Діоклетіана и Максиміана Геркула, былъ возведенъ на императорскій тронъ Галерій, онъ задумалъ возвысить Ликинія. Галерій питалъ къ Ликинію прочную дружбу, какъ къ боевому товарищу. Онъ рассчитывалъ, что слава Ликинія затмитъ успѣхи Константина. И вотъ, когда погибъ Северъ, на котораго Галерій надѣялся всего болѣе, Ликиній получилъ титулъ императора. Онъ управлялъ Иллиріей, пока смерть Галерія въ 311-мъ году, а потомъ и смерть Максимиана въ 313-мъ году не упрочили за нимъ единоличную власть надъ всѣмъ востокомъ имперіи.

Все это были вожди римскихъ армій на востокѣ. Приближалось время, когда новый талантливый полководецъ долженъ былъ занять среди нихъ высокое мѣсто. Но окруженный соперниками, Константинъ Великій не получилъ на востокѣ высшаго командованія. Онъ принужденъ былъ съ поснѣшностью удалиться подъ защиту

отца. Между тѣмъ, по системѣ Діоклетіана, Констанцій Хлоръ наследовалъ императорское достоинство, по отреченіи западнаго императора отъ трона. Всего лишь пятнадцать мѣсяцевъ Констанцій Хлоръ былъ императоромъ. Когда онъ готовился съ войсками отплыть въ Британію для борьбы съ пиктами и скоттами Каледоніи, внезапно явился къ нему сынъ его изъ Никомидіи. Легіоны радостно привѣтствовали его. Лишь только его отецъ, истомленный трудностями похода, умеръ въ Эборакѣ, войска провозгласили Константина августомъ и императоромъ. Констанцій Хлоръ, умирая, завѣщалъ его защитѣ и поддержкѣ сыновей и дочерей своихъ отъ Θεодоры.

Такъ совершилось важное событіе въ жизни Константина Великаго. Это было 26-го іюля 306-го года. Но Константинъ Великій не былъ признанъ въ достоинствѣ императора ни Галеріемъ, ни прочими соправителями. Нужно были съ оружіемъ въ рукахъ завоевать тронъ. Константинъ Великій не сразу рѣшился на борьбу. Онъ благоразумно выжидалъ обстоятельствъ, которыя укажутъ бы ему тотъ путь, которымъ надо идти въ этой борьбѣ.

Такое выжиданіе было отнюдь не напрасно. Обстоятельствами времени былъ выдвинутъ новый соперникъ Константину Великому. Максенцій, сынъ Максиміана Геркула, превозгласилъ себя императоромъ. Отъ своего отца онъ наследовалъ, уничтоживъ Севера, Италію и Африку. Взбалмошный и развратный сынъ западнаго императора былъ врагомъ христіанства. Но опираясь на помощь отца, онъ имѣлъ большой успѣхъ въ войскахъ, квартировавшихъ въ Италиі и Африкѣ. Чтобы обезопасить владѣнія и права Максенція отъ той опасности, которая могла открыться для него со стороны Константина Великаго, Максиміанъ Геркуль поступилъ точно такъ же, какъ и раньше, когда онъ привязалъ къ себѣ Констанція Хлора. Константинъ Великій развелся съ женою. Прекрасная Минервина повторила на себѣ грустную участь свекрови. Въ 300-мъ году она подарила мужа сыномъ. Это былъ Криспъ. Лучшія наследственныя дарованія его не спасли его матери отъ изгнанія. Константинъ женился на Фаустѣ, дочери Максиміана Геркула.

Но это былъ не тотъ путь, которымъ можно было обезпечить собственное благополучіе и спокойствіе гражданъ. Константинъ Великій сдѣлалъ это, какъ еще язычникъ. Онъ дорого заплатилъ потомъ за это родство съ Максенціемъ. Можно думать, что Елсна, мать Константина, оставалась къ тому времени вдали отъ сына¹⁾. Ея мудрое вліяніе не простиралось тогда на Константина. Въ этомъ бракѣ, а равно и въ той судьбѣ, которая въ концѣ постигла Фаусту, мы не узнаемъ пока величія духа Константина.

Бракъ съ Фаусгой не остановилъ, однако, Константина Великаго отъ борьбы съ Максенціемъ и его отцемъ. Причина тому скрывалась въ страхѣ, который внушаемъ былъ чрезвычайными успѣхами Константина. Подъ вліяніемъ этого страха, Максиміанъ Геркуль составилъ заговоръ противъ зятя въ намѣреніи вырвать изъ его рукъ императорскую власть. Собственная гвардія Максиміана выдала тогда своего вождя Константину въ Массиліи. Изъ великодушія Констангинъ Великій оставилъ тестя въ живыхъ. Скоро новымъ заговоромъ онъ лишилъ себя права на такое великодушіе.

Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ самое важное было то, что Константинъ Великій пользовался любовью войскъ и населенія провинцій, на которыя простиралась его власть. Въ отношеніи къ христіанамъ онъ придерживался политики своего отца. И вотъ, когда явно обанкротилось политика гоненій, самъ Галерій рѣшился подражать Константину. Закоренѣлый въ борьбѣ противъ христіанъ, Галерій близился къ смерти. Нестерпимыя страданія отъ рака, покрывшаго поясницу, заставили его вспомнить о христіанахъ. Назначается свиданіе съ Константиномъ. Ре-

¹⁾ Св. Амвросій Медиоланскій свидѣтельствуетъ о преданіи, существовавшемъ въ его время, что Константинъ Великій навѣщалъ свою мать, когда она была содержательницей гостинницы. Но послѣ Миланскаго эдикта Константинъ Великій приблизилъ ее къ себѣ, далъ титулъ императрицы и возложилъ на нее корону. См. Приб. къ твор. свв. отц. 1861, 28. Стр. 571.

зультатомъ переговоровъ появляется толерантный эдиктъ 311-го года.

Что представляетъ собою этотъ эдиктъ? Въ исторіи греко-римскаго законодательства толерантный эдиктъ Галерія, отъ 311-го года, означаетъ собою зарю совершенно новой эпохи. Какъ извѣстно, религіи, по римскому законодательству, раздѣлялись на два разряда. Исторически извѣстныя религіи народовъ, вошедшихъ въ составъ Римской державы, назывались „дозволенными“ религіями. Онѣ были подъ защитою закона и охранялись сложившимся строемъ гражданской жизни. Всѣ другія религіи были недозволенными. Христіанской религіи особенно трудно было стяжать себѣ тигло: *religio licita*. Это религія не какого либо отдѣльнаго народа, и при томъ религія новая. Не капитулировалъ предъ силою римскаго меча какой либо народъ, исповѣдывавшій христіанство. Но теперь наступила пора, когда само римское правительство капитулировало предъ нравственной силою христіанства.

По эдикту Галерія, христіанство объявлено было религіей, „дозволенной“ въ Римскомъ государствѣ. Кривая борьба съ христіанами объявлена бесполезною. „Пусть будутъ христіанами (*ut denuo sint Christiani*)“, сказано въ эдиктѣ. Но законодатель все-таки не забылъ назвать ихъ фанатиками и людьми неразумными, а также запретить христіанамъ пропаганду. Это показываетъ, что много колебаній и нерѣшительности было тогда побѣждено его добрымъ вліяніемъ на Галерія и его соправителей. Но и то была уже большая побѣда. Если бы послѣ толерантнаго эдикта Галерія, не появилось въ скоромъ времени Миланскаго эдикта, исторія записала бы на своихъ страницахъ эдиктъ Галерія, какъ первое открытое признаніе христіанства „дозволенною“ религіей.

Много неяснаго и, можетъ быть, намѣренно двусмысленнаго скрыто было въ эдиктѣ Галерія. Напримѣръ, было оговорено, что христіане могутъ оставаться христіанами, если только, „ничего незаконнаго не совершается ими“. Между гѣмъ языческое законодательство предшествовавшихъ вѣковъ нерѣдко ставило христіанъ въ то по-

ложеііе, когда они вынуждались нарушать законъ. Принести жертву идоламъ требовалось иногда закономъ. Но христіане совершали нѣчто противозаконное, когда рѣшительно отказывались это сдѣлать. Можно думать, что сейчасъ указанная оговорка для того внесена была въ текстъ закона, чтобы любой правитель могъ, опираясь на нее, преслѣдовать христіанъ, если бы этого потребовали обстоятельства.

Соправители Галерія дали свои подписи къ эдикту 311-го года. Максенцій, Максиминъ и Ликиній сдѣлали это лишь изъ дисциплины. Скоро каждый изъ нихъ показалъ, какъ онъ понимаетъ возвѣщенную эдиктомъ „дозволенность“ христіанской религіи. Они опубликовали новый законъ въ своихъ провинціяхъ, но ничего не измѣнили въ своихъ отношеніяхъ къ христіанамъ.

Первый открылъ гоненіе на христіанъ Максенцій. Максиминъ также не замедлилъ упражнять свою жестокость на христіанахъ Египта и Сиріи. Ликиній долше всѣхъ держался прямого смысла толерантнаго эдикта; однако, и онъ съ теченіемъ времени сталъ преслѣдовать христіанъ.

Смерть императора Галерія, послѣдовавшая въ томъ же 311-мъ году, была обстоятельствомъ, которое содѣйствовало выясненію дальнѣйшей политики правительства. Оставшіеся въ живыхъ четыре соправителя умершаго Галерія раздѣлились на двѣ партіи. Ликиній сначала примкнулъ къ Константину, а Максенцій и Максиминъ, наоборотъ, объединились въ своей враждѣ къ христіанству. Населеніе всей имперіи оставалось въ нерѣшительности. Никто не зналъ, держаться ли послѣдняго эдикта Галерія, или ждать новыхъ законовъ. И вотъ въ 312-мъ году издается вѣроисповѣдный актъ. Онъ подписалъ лишь Константинъ и Ликиніемъ.

Въ этомъ эдиктѣ вновь возвѣщается свобода христіанской религіи отъ преслѣдованій. Основанія приводятся тѣ же, что и въ эдиктѣ Галерія. Такъ Константинъ Великій вмѣстѣ съ Ликиніемъ отмежевали себя отъ другихъ соправителей. Своей деклараціей они объявили о намѣре-

ни поддерживать послѣднія распоряженія скончавшагося Галерія. Какъ въ эдиктѣ 311-мъ года, такъ въ этой деклараціи правительство не выражало сердечной убѣжденности въ правотѣ христіанской религіи, но заявляло только о бесплодности кровавыхъ противъ христіанъ преслѣдованій. Еще не наступило то время, когда христіанство было бы объявлено религіей самихъ цезарей. Для этого недоставало, чтобы въ сердцѣ Константина Великаго произошелъ внутренній переломъ. Воспитанный подъ добрыми вліяніями, добрый отъ природы и благожелательный къ христіанамъ, Константинъ Великій не только не крестился, но не былъ и убѣжденнымъ христіаниномъ, пока особое внушеніе Божественнаго Промысла не обратило его сердце ко Христу.

Религія духа гребуетъ возрожденія духа. Константинъ Великій долгое время не воспринималъ духовности христіанскаго возрожденія. Такъ бываетъ и въ нашей жизни, когда человѣкъ, рожденный и воспитанный въ христіанствѣ, остается совершенно мірскимъ человѣкомъ. Но Промыслъ Божественный ждетъ обращенія. Благодатью Духа проводится душа въ движеніе. Засѣвается сѣмя новой жизни. Возростаетъ христіанское самосознаніе, готовность къ подвигу и самоотреченію. О всемъ этомъ подробно говоритъ аскетика, или теорія христіанскаго подвижничества. Въ духѣ этихъ идей для насъ выясняется смыслъ того государственнаго акта, который именуется въ исторіи Миланскимъ эдиктомъ.

Отдавая справедливость мужеству христіанъ, толерантные эдикты 311-го и 312-го годовъ были буквально повторены впоследствии Юліаномъ Отступникомъ. Этотъ язычникъ на тронѣ въ государствѣ уже христіанскомъ разсматривалъ христіанство, какъ религію „дозволенную“. Но принципъ свободы религіознаго сознанія былъ оцѣненъ христіанами того времени, какъ прямое гененіе. Христіанская церковь чувствовала себя угнетенною. Кратковременное царствованіе Юліана справедливо представляется опаснѣйшимъ моментомъ въ исторіи церкви.

Въ такомъ же опасномъ состояніи оставалась христіанская религія и церковь послѣ эдиктовъ 311-го и 312 годовъ. Огрытаго гоненія не было, но законодатели ничѣмъ не выразили сердечной преданности христіанству. Особенно рельефно выступаетъ это изъ заявленія, сдѣланнаго позднѣе Константиномъ Великимъ въ Миланскомъ эдиктѣ 313-го года. Говоря о эдиктѣ 312-го года. Константинъ Великій прямо свидѣтельствуетъ предъ своими подданными, что эдиктомъ 312-го года имѣлось въ виду препятствовать распространенію христіанской религіи. Правительство, такимъ образомъ, разрѣшало быть христіаниномъ, но никакъ не новообращеннымъ. Можно было исповѣдывать христіанство, но не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы это была религія предковъ.

Однако, язычники успѣли фактически доказать, что гоненіе на христіанъ еще не прекратилось. Во внутренней жизни имперіи назрѣвала борьба. Язычники считывали, что исходъ ея будетъ для нихъ благопріятенъ. Свои надежды они сосредоточили на Максенціи, сынѣ Максиміана Геркула, императорѣ Италіи и Африки. Подобнымъ образомъ на востокъ имперіи надежды ихъ сосредоточились на Максиминѣ, императорѣ Сиріи и Египта.

Надежды язычниковъ рухнули приблизительно въ одно и то же время. Враждебныя дѣйствія между Ликиніемъ и Максиминомъ закончились пораженіемъ Максимина. Въ 313-мъ году Максиминъ умеръ, какъ полагаютъ, отъ самоубійства. Ликиній сталъ единоличнымъ распорядителемъ всего востока. Породнившись съ семействомъ Константина Великаго женигобою на его сестрѣ Константинѣ, Ликиній спокойно торжествовалъ побѣду надъ своими врагами. Онъ умиротворилъ весь востокъ, имѣя могущественную поддержку въ западномъ соимператорѣ. Около десяти лѣтъ продолжалось это спокойствіе на востокѣ. Но та же языческая партія, которая видѣла въ Максиминѣ своего могущественнаго покровителя, побудила съ теченіемъ времени Ликинія на борьбу противъ Константина Великаго.

Много событій миновало прежде, чѣмъ сполна обнаружилось соперничество Ликинія съ Константиномъ Великимъ. Самое главное изъ нихъ то, когда Константинъ Великій изъ язычника, благожелательнаго въ отношеніи къ христіанамъ, превратился въ убѣжденнаго христіанина. Это относится къ эпохѣ борьбы Константина за единовластительство на западѣ имперіи.

Максенцій наслѣдовалъ необузданную натуру Максимиана Геркула. Христіанство было ему ненавистно. Не только новизна этой религіи претила психическому строю этого язычника. Всего болѣе раздражала его та строгость нравственныхъ правилъ, которая проповѣдуется христіанствомъ. Поэтому въ лицѣ Максенція греко-римское язычество нашло для себя отчаяннаго борца, который не задумался личную свою участь поставить на карту въ борьбѣ съ христіанствомъ.

Крайнее распутство было объявлено какъ бы программой правительственной дѣятельности Максенція. Въ городѣ, полномъ республиканскихъ воспоминаній, онъ возобновилъ нравы Тарквинія Гордаго. Недовольство и ропотъ римлянъ были отвѣтомъ на позорное поведеніе Максенція. Но онъ зналъ, какъ отвлечь вниманіе отъ фактовъ, которые компрометировали его правленіе. Онъ объявилъ себя врагомъ христіанъ. Этого было достаточно, чтобы руководимая жрецами и философами языческая чернь начала кровавое преслѣдованіе христіанъ въ Римѣ. Первые успѣхи ослѣпили фанатиковъ. Максенцій уже не видѣлъ нигдѣ предѣла своей жестокости. Онъ безбоязно низвергъ статуи Константина въ сопредѣльныхъ его (Максенція) владѣніямъ городахъ. Мечта о единоличномъ управленіи и о низложеніи Константина Великаго предносилась его уму, какъ легкая возможность.

Жрецы и гаруспекты волхвованіями и чародѣйствомъ вселяли въ него бодрость. Всемогущая сила боговъ Рима была обѣщана ему, какъ награда за борьбу противъ христіанъ. Разсѣкались внутренности беременныхъ женщинъ, и Максенцій самъ, по истолкованію гадателей, убѣждался, что наступило время борьбы противъ Константина Вели-

каго, чтобы покончить съ его миролюбивою въ отношеніи къ христіанамъ политикою. И вотъ приводится въ движеніе военная организація имперіи. Въ Римъ стягиваются легіоны. Въ короткій срокъ формируется армія въ 170 тысячъ отборной пѣхоты и 18 тысячъ конницы¹⁾. По первому знаку императора, они готовы ринуться на сѣверъ, чтобы найти Константина и голову его представить своему вождю, какъ побѣдный трофей.

Неохотно, соблюдая всяческое хладнокровіе и осмотрительность, Константинъ Великій собралъ четвертую часть своей арміи. Это составляло приблизительно 25 тысячъ воинства. Одну изъ труднѣйшихъ задачъ предстояло разрѣшить этой небольшой силѣ. Отъ береговъ Рейна легіонамъ Константина требовалось перейти въ Италію. Трудность пути сама по себѣ устрашала воиновъ и вождя ихъ. Но еще болѣе страшное обстоятельство заключалось въ томъ, что конечной цѣлью похода былъ объявленъ Римъ. Имя вѣчнаго города и столицы „вселенной“ было связующимъ элементомъ. Арміи, подчиненныя различнымъ вождямъ, самоотверженно бились за славу Рима. Теперь же предстояло идти противъ Рима. Состояніе духа въ войскѣ было угнетенное.

Немалое значеніе придавалось въ то время разнымъ примѣтамъ. Суевѣрные обряды язычниковъ замѣняли для нихъ здоровую и бодрящую вѣру въ Провидѣніе. И вотъ прошла молва, что Максенцій совершилъ страшныя заклинанія. Оракулы предвѣщаютъ ему побѣду. Древние боги Рима стали на его сторону. Недовѣріе къ собственнымъ силамъ закрадывается въ сердце самого Константина Великаго. Небольшое войско его состояло изъ солдатъ, родившихся въ Британіи и на Рейнѣ. Самый климатъ на Югѣ, за Альпами, опасенъ для нихъ. Правда, они преданы сыну Констанція Хлора. Имъ ненавистенъ Максенцій. Но даже Юлій Цезарь, находившійся въ лучшихъ условіяхъ, не безъ риска „бросилъ свой жребій“. Теперь нужно было

¹⁾ Нельзя считать вполнѣ точнымъ это количественное опредѣленіе арміи противниковъ.

пройти совершенно тотъ же путь. Рѣшенія судьбы нужно было ждать у воротъ Рима. И все, рѣшительно все предвѣщало неуспѣхъ.

Однако, душевная тревога Константина Великаго повела его къ твердой вѣрѣ въ Иисуса Христа. Въ его душевномъ развитіи назрѣвалъ новый моментъ. То, что подготовлено было впечатлѣніями ранняго дѣтства, дошло до яснаго сознанія. Произошелъ внутренній переломъ. Мिनвало все прошлое. Предстаетъ предъ нами новый человекъ. Теперь это въ подлинномъ смыслѣ *Великій Константинъ*. Самое имя его отнынѣ характеризуетъ новый періодъ въ исторіи всего человѣчества.

То, что произошло тогда въ душѣ Константина Великаго, можно выяснитъ сравненіемъ съ Моисеемъ, пророкомъ Божіимъ. Тревога и раздумье вождя въ походѣ на Римъ были такъ же велики, какъ смущеніе Моисея предъ Чернымъ моремъ. Моисей видѣлъ впереди себя народъ. Опъ мятежно волновался и ропталъ на вождя за явно безразсудное намѣреніе. А тамъ, дальше, за моремъ человѣческихъ головъ, виднѣлось Черное море, которое готово поглотитъ мятежную толпу. Подобнымъ образомъ Константинъ Великій уже различалъ своимъ ухомъ ропоть легионовъ. Воображеніе рисовало картину пораженія, безславной смерти, плѣна. Лишь испытанное мужество христіанъ, служившихъ въ войскахъ, поддерживало дисциплину.

Такъ древній гонитель Савль имѣлъ тысячи наблюдений, чтобы вынести убѣжденіе въ правотѣ христіанства. Но совершенно особый случай, чудо отъ Бога и явленіе Иисуса Христа, обратили его въ новую религію. Константинъ Великій также видѣлъ суету многобожія. Но потребно было чудо, чтобы положить конецъ нерѣшительности. Такое чудо совершилось на пути къ Риму. Сказаніе объ этомъ чудѣ есть единственно правдивое объясненіе мотивовъ, по которымъ былъ изданъ Миланскій эдиктъ.

Константинъ Великій былъ уже давно монотеистомъ. Находясь въ трудныхъ обстоятельствахъ во время борьбы противъ Максенція, Константинъ молился единому Богу,

Котораго чтуть христіане. Это была горячая молитва того челоуѣка, который до сихъ поръ надѣялся на силу мышць, на преданность войска, на ловкость и искусство. но не на помощь свыше. Жизнь въ лагерѣ, среди боевыхъ товарищей, не давала ему повода отчетливо сознавать себя христіаниномъ. Онъ жилъ язычникомъ. Распространенный въ войскахъ культъ Митры былъ его официальной религіей. Но теперь онъ молился Богу христіанъ.

Когда солнце клонилось къ вечеру, то есть въ то самое время, когда христіанскіе воины его арміи собрались и воспѣли божественную пѣснь Христу, самъ Константинъ также всталъ на молитву. Но куда обращены были его глаза? Онъ смотрѣлъ туда, гдѣ его глаза привыкли видѣть Божество. „Непобѣдимое и вѣчное“ солнце приковывало къ себѣ его взоры. Свѣтило, клонившееся къ западу, не ослѣпляло его зора. Тихій свѣтъ, распространявшійся отъ солнца, гармонично сливался съ отдаленными звуками христіанскаго гимна.

Константинъ Великій внезапно увидѣлъ небесное знаменіе. Надъ солнечнымъ дискомъ онъ усмотрѣлъ знакъ креста и надпись на немъ: „*симъ побѣждай*“. Многіе въ арміи Константина Великаго обратили вниманіе на необычайное небесное явленіе. По свидѣтельству мученика Артемія ¹⁾, всѣ пришли въ ужасъ. Св. Артемій былъ центу-

¹⁾ Symeonis Metaphrastae vitae sanctorum. Martyrium sancti Artemii, octobris 20-mo die. Migne, gr. t. 114 - 115. Научное достоинство „житій святыхъ“ Метафраста подорвано протестантскими учеными 16-го и 17-го столѣтій. Отрицательная критика заподозриваетъ рѣшительно все, что извѣстно съ именемъ Метафраста. Но такое отношеніе къ этому писателю не болѣе, какъ предубѣжденіе, весьма опасное для церковной истины и церковныхъ преданій. Метафрастъ, по авторитетному замѣчанію *Я. Болманда*, не искалъ славы челоуѣческой, но преслѣдовалъ исключительно интересы истины и пользу читателя (Migne, gr. t. 114. Praefatio, col. 1—2). Еще рѣшительнѣе высказался *Белларминъ*. „Нужно имѣть въ виду, говоритъ онъ, что о Метафрастѣ установилось мнѣніе, будто онъ снабжаетъ житія святыхъ дополненіями и вымыслами, передаетъ разговоры мучениковъ съ мучителями, сообщаетъ о невѣроятныхъ (по количеству) обращеніяхъ язычниковъ и проч... Но я полагаю, что опасаться этого не нужно, ибо скорѣе можно что либо упустить, чѣмъ прибавить. Если онъ и погрѣшилъ,

ріономъ въ арміи Константина и былъ очевидцемъ, какъ самого небеснаго знаменія, такъ и впечатлѣнія, произведеннаго имъ. Язычники видѣли въ крестѣ символъ страданій и униженія. Сенсационная болтовня гаруспектовъ находила себѣ подтвержденіе.

Христіане въ войскѣ Константина Великаго также испытывали смущеніе. Въ небесномъ видѣніи креста Христа они усмотрѣли „знаменіе Сына Человѣческаго“ и ждали важныхъ событій. Вторженіе въ нашу жизнь неземной силы производитъ устрашающее дѣйствіе на вѣрующую душу ¹⁾. Всѣхъ охватило чувство чего-то необычайнаго. Ходъ всемірной исторіи явнымъ образомъ измѣнялся. Воины испытывали рѣшимость затратить собственные усилія на исполненіе какихъ-то важныхъ предначертаній Божественнаго Промысла. Походъ на Римъ сталъ съ этого момента разсматриваться ими, какъ повелѣніе самого Бога. Въ глазахъ христіанскихъ воиновъ это былъ „крестовый“ въ точномъ значеніи походъ ²⁾.

Но что переживалъ самъ Константинъ Великій? Онъ испытывалъ бодрость духа. Видѣніе показалось ему благоприятнымъ предзнаменованіемъ. Онъ уразумѣлъ тогда силу молитвы. Съ того времени царь сталъ посвящать молитвѣ досугъ свой. Онъ окружилъ себя христіанами. Съ ними, при участіи духовныхъ лицъ, онъ сталъ совершать продолжительныя и усердныя молитвы. Медали и монеты той эпохи изображаютъ Константина Великаго молящимся, и это наиболѣе распространенное въ то время изображеніе.

Въ тотъ же день, когда было усмотрѣно на небѣ знаменіе креста, Константинъ Великій чувствовалъ себя обновленнымъ. Произошло то, что именуется обращеніемъ человѣка грѣшника. Вся система воззрѣній и вся сумма жизненныхъ навыковъ рухнула. Началось возрожденіе.

го лишь упущеніемъ того, что, по его мнѣнію, иногда ошибочному, не согласуется съ точными данными исторіи и твердо установленными преданіями отцевъ“ (ibid. col. 17—18).

¹ См. Ис. 6, 5.

²) *Le Beau*. Histoire du Bas-Empire. I, 94; Paneg. Nazar. 14.

Закваска стала производить свое дѣйствіе, пока не вскисло все смѣшеніе ¹⁾).

Константинъ Великій много и долго размышлялъ о видѣннй креста надъ солнцемъ. Молитва его послѣ сего стала еще усерднѣе. Онъ заснулъ поздно, утомленный продолжительной и усердной молитвой. Тонкій, чуткій сонъ его былъ прерванъ новымъ чуднымъ видѣніемъ. Ему явился Иисусъ Христосъ. Онъ повелѣлъ царю украсить римскія знамена крестомъ. Императоръ утромъ на другой день позвалъ мастеровъ и приказалъ изготовить новыя знамена, согласно видѣнію и повелѣнію самого Иисуса Христа.

Начиная съ того дня, стало мѣняться понятіе о войнѣ. Это кровавое ремесло язычниковъ превратилось въ борьбу за христіанство и высшіе идеалы патріотизма. Теперь оно ведется подъ знакомъ креста. Оно есть подвигъ любви. Древнія римскія знамена имѣли надпись: SPQR. Легіоны шли въ борьбу, взирая на эту внушительную ихъ сердцу надпись. Поверхъ нея дѣлалось металлическое изображеніе —иногда—двуглаваго орла. Это эмблема римскихъ завоеваній. Но отнынѣ надъ обычными знаками римской храбрости и непобѣдимости сталъ возвышаться крестъ съ монограммою имени Христа. Это лабарумъ, или такъ называвшаяся „крестная хоругвь“ Константина Великаго.

Этому императору суждено было пройти съ нею огромныя разстоянія Римской имперіи. Непрiятельскіе полки приходили въ смятеніе отъ самого вида ея. Но самый блестящій тріумфъ былъ заслуженъ въ томъ сраженіи, которымъ закончился походъ противъ Максенція.

Лишь только лабарумъ появился впереди войска, ясно опредѣлился характеръ всего предпріятія Константина Великаго. Всѣ поняли, что походъ на Римъ не есть простое соперничество честолюбивыхъ вождей. Было очевидно, что борьба ведется прямо на почвѣ религіозныхъ убѣжденій.

¹⁾ 1 Кор. 5, 6.

Высланныя противъ Константина войска Максенція были дважды разбиты. Крестная хоругвь побѣдоносно развѣвалась, предводительствуя небольшою арміею Константина Великаго. Наконецъ, Максенцій самъ сталъ во главѣ своихъ войскъ. Онъ укрѣпился въ столицѣ. Здѣсь оракулы предвѣщали ему несомнѣнный успѣхъ. Даже сооруженъ былъ особый мостъ (Мильвійскій) чрезъ Тибръ, чтобы съ поля сраженія легче было доставлять плѣнниковъ и добычу. Но вотъ наступило роковое утро 312-го года 28-го октября. Войска Константина Великаго стали лагеремъ близъ Мильвійскаго моста. Едва ли кто рассчитывалъ скоро и внезапно покончить съ непріятелемъ. Грозныя твердыни вѣчнаго города могли бы доставить Максенцію надежное прикрытіе.

Однако, самоувѣренность Максенція погубила его. Никакая сила не въ состояніи была сопротивляться мужеству Константинова воинства. Лабарумъ, вокругъ котораго поставленъ былъ отрядъ въ пятьдесятъ отборныхъ воиновъ, наводилъ непонятный ужасъ на непріятеля. Испытанное мужество легионовъ Максенція таяло. Полки теряли своихъ предводителей. Всѣ съ ужасомъ взирали на покинутый Капитолій. Но вотъ дрогнулъ центръ войска. Максенцій въ паническомъ страхѣ повернулъ императорскую колесницу. Онъ увидѣлъ безнадежность борьбы и спѣшилъ укрыться за воротами столицы. Однако, было уже поздно. Мостъ, вновь сооруженный по его приказанію, несъ предательскую службу. Онъ не удержалъ на себѣ массу бѣгущихъ воиновъ, и вождь ихъ Максенцій упалъ въ воду и погибъ въ волнахъ Тибра.

Безпрепятственно прошла затѣмъ крестная хоругвь чрезъ Мильвійскій мостъ въ стѣны города Рима. Вслѣдъ за нею побѣдитель торжественно вступилъ въ городъ. Сенатъ и народъ привѣтствовали его, потому что Максенцію повиновались до сихъ поръ изъ принужденія. Въ этомъ тиранѣ римляне видѣли избранника древнихъ боговъ Рима. Но теперь они видѣли предъ собою иного избранника. Созидается статуя въ честь Константина, а

послѣдній повелѣваетъ присоединить къ ней изображеніе лабарума. Ни для кого не оставалось секретомъ, что императоръ сталъ христіаниномъ. Фанатики язычества молчали, скрывая до времени свои чувства и мысли. Они теперь безжалостно топтали въ грязь память Максенція, который столь жестоко обманулъ ихъ надежды. Безропотно они подчинились новому порядку вещей.

Они не пережили того высокаго подъема религіознаго чувства, что пережилъ Константинъ Великій. Одушевленіе и святость его порывовъ мало понятны были имъ. Но благоразуміе побѣдителя, его умѣренность и снисходительность были достаточной порукой, что въ лицѣ сына кроткаго Констанція Хлора они встрѣтятъ гуманнаго правителя. И вотъ предъ глазами историка разворачивается небывалая картина. Христіане и язычники братаются въ изъявленіи чувства благодарности Константину Великому. Тѣ и другіе одинаково въ его судьбѣ видятъ персть Божій. Нѣчто божественное представляется ихъ взору, когда они разсматриваютъ лучезарный ликъ императора. Язычники боготворятъ его, какъ любимца Аполлона. Они чтутъ лабарумъ, какъ эмблему побѣднаго генія императора, потому что и другіе вожди нерѣдко украшали особыми знаками воинскія знамена ¹⁾.

Непосредственнымъ результатомъ побѣды надъ Максенціемъ было политическое объединеніе всего запада. Константинъ Великій сталъ единоличнымъ правителемъ на западѣ. Но и на востокѣ чувствовалось его значеніе. Ликийскій, породнившись съ Константиномъ, сталъ силенъ его вліяніемъ и авторитетомъ.

Вторымъ столь же непосредственнымъ результатомъ блестящей побѣды Константина Великаго было торжество христіанства. Новыя убѣжденія, выработавшіяся въ душѣ императора, побуждали его заявить нѣчто большее, чѣмъ простую снисходительность къ „суевѣрнымъ безумцамъ“, какъ трактовались христіане въ толерантныхъ эдиктахъ.

¹⁾ Буассье. Паденіе язычества. Русск. перев. М 1892. Стр. 8.

Имъ дано было право существовавшія въ Римской имперіи. Теперь, изъ признательности благодарнаго сердца, Константинъ Великій не довольствуется этимъ. Онъ еще въ Римѣ замышляетъ расширить ихъ права. Ему желательно, чтобы не только христіане оставались бы христіанами, но чтобы и самые язычники прозрѣвали-бы и обращались-бы въ христіанство. Поэтому Константинъ Великій предоставляет христіанамъ право пропаганды. Чтобы въ глазахъ народной толпы возвысить значеніе христіанской церкви, Константинъ повелѣваетъ возвратить христіанамъ отнятыя отъ нихъ въ предшествовавшее гоненіе имущества.

Таковы руководящіе принципы Миланскаго эдикта. Устроивъ дѣла управленія, Константинъ Великій удалился въ Миланъ. Римъ, гдѣ была отпразднована множествомъ игръ блестящая побѣда, былъ полонъ республиканскихъ и языческихъ воспоминаній. Среди храмовъ и статуй боговъ императоръ представлялся народу, какъ одинъ изъ боговъ. Это не согласовалось съ сердечными убѣжденіями и цѣлями императора. Онъ не намѣревался выступать самъ, какъ богъ. Его сердце, исполненное благодарности Христу, искало случая засвидѣтельствовать смиреніе предъ Богомъ.

Прибытіе въ тотъ же Миланъ восточнаго императора Ликинія, было обстоятельствомъ, весьма благоприятнымъ для согласованнаго дѣйствования правительства на протяженіи всей имперіи. Новая струя, имѣвшая обновить всю систему римскаго законодательства о религіяхъ, должна была одновременно показать свое дѣйствіе на востокъ и на западъ. Даже престарѣлый гонитель Максиминъ долженъ былъ покориться сложившимся обстоятельствамъ. Не задолго до смерти онъ опубликовалъ въ своихъ владѣніяхъ толерантный эдиктъ Константина и Ликинія. Этимъ, однако, Максиминъ не купилъ себѣ спокойствія на залитомъ кровью христіанскихъ мучениковъ тронѣ.

Между тѣмъ христіанство, утвердившись на тронѣ цезарей, торжественно возвѣщало всему міру гуманныя основы христіанской политики. „Когда мы прибыли въ Миланъ,—такъ говорилъ о себѣ Константинъ Великій,—

то, занявшись внимательнымъ разсмотрѣніемъ способовъ, клонящихся къ общей пользѣ и благу, мы заблагоразсудили сдѣлать постановленіе, которымъ охранялся-бы страхъ и благоговѣніе къ Богу. Именно, мы заблагоразсудили христіанамъ и всѣмъ отдать на произволъ соблюденіе того богослуженія, какого кто пожелаетъ, чтобы Божественное и Небесное Существо, какъ бы Его ни называли, было къ намъ и ко всѣмъ, находящимся подъ нашею властью, благосклонно. Водясь здравымъ и правымъ смысломъ, объявляемъ слѣдующую нашу волю: пусть рѣшительно никому не запрещается избирать и соблюдать христіанское богослуженіе, но каждому пусть отдается на произволъ обращаться сердцемъ къ той вѣрѣ, какую кто находитъ согласною съ собственнымъ убѣжденіемъ, чтобы Божество при всякомъ случаѣ ниспосылало намъ свою помощь и всякое благо. Мы признали за нужное, по устраненіи тѣхъ условій, о которыхъ упоминалось въ прежнемъ указѣ касательно христіанъ, отмѣнить все, что представляется жестокимъ и несообразнымъ съ нашею кротостью. Отнынѣ каждый, рѣшившійся соблюдать христіанское богослуженіе, пусть соблюдаетъ его свободно и неуклонно, безъ всякаго затрудненія“.

„Мы заблагоразсудили объявить о нашей волѣ, предоставляющей христіанамъ полное и неограниченное право совершать свое богослуженіе. Если же мы это разрѣшили имъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ дается право и другимъ соблюдать свои обычаи и вѣру. Такъ опредѣлено нами съ цѣлью, чтобы не показалось, что мы хотимъ унижить достоинство какого бы то ни было богослуженія“.

„Кромѣ сего, въ пользу христіанъ мы постановляемъ и то, чтобы мѣста гдѣ прежде они имѣли обыкновеніе дѣлать собранія,—у казны ли нашей кто купилъ ихъ. или у кого другого,—чтобы эти мѣста безденежно, безъ возврата заплаченной за нихъ суммы, немедленно и безпрекословно отдаваемы были христіанамъ. Равнымъ образомъ и получившій такія мѣста въ даръ долженъ, какъ можно, скорѣе возвратить ихъ въ собственность христіанъ. А кто купивъ ихъ или получивъ въ даръ, захотѣлъ бы просить

за нихъ отъ нашей доброты вознагражденія, тотъ пусть обратится къ мѣстному правителю, и наша милость не оставитъ его просьбы безъ вниманія“¹⁾).

Такова существенная часть Миланскаго эдикта. Въ остальномъ эдиктъ указываетъ права и привилегіи христіанской церкви. Въ глазахъ законодателя это вполне сформировавшееся, правильно организованное сообщество. Съ его потребностями считаются. Цѣли его отнынѣ признаются вполне законными. Затѣмъ слѣдуетъ указаніе на то, что подлинный эдиктъ подписанъ въ Миланѣ Константиномъ и Ликиніемъ, но не указано времени, когда это было совершено. Однако, въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ эдикта сдѣланы важныя оговорки, которыя заставляютъ съ несомнѣнностью утверждать, что онъ изданъ никакъ не позднѣе одного года послѣ пораженія Максенція, но и не раньше начала 313-го года.

Итакъ, Константинъ Великій вмѣстѣ съ его зятемъ утвердили свою власть въ имперіи провозглашеніемъ началъ широкой вѣротерпимости. Вырвана съ корнемъ самая возможность какой либо несправедливости въ отношеніи къ христіанамъ. Греко-римское законодательство явно ступило на новый путь. Вся страна чувствовала облегченіе. Язычники охотно принимали крещеніе. Но и тѣ изъ нихъ, которые упорно держались суевѣрія, были спокойны за свою участь. А христіанство, свободное отъ внѣшнихъ гоненій, устремилось со всѣмъ жаромъ обновленной энергіи на благоустроеніе внутренней жизни церкви. Такъ положено было начало новому строю общественной и частной жизни. Было приостановлено внутреннее саморазложеніе греко-римскаго языческаго міра. Противъ варварства дикихъ народовъ сѣверной Европы было выковано оружіе, превратившее въ могучихъ дѣятелей прогресса тѣ элементы, которые до сихъ поръ все истребляли, что встрѣчалось имъ на пути.

Конечно, столь рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ Константиномъ Великимъ не безъ серьезныхъ для того

¹⁾ *Евсевій*. Церк. Ист. X, 5. Русск. пер. стр. 575—579.

оснований. Самъ онъ признается въ этомъ. Но какъ чело-вѣкъ своего времени, онъ не предвидѣлъ всѣхъ послѣд-ствій новаго законодательнаго акта. Поэтому намъ пред-ставляется глубоко знаменательнымъ, что Константинъ Великій объясняетъ моральную сущность Миланскаго эдик-та тѣмъ, что законодатель приложилъ заботу о „благо-говѣннн предъ Божествомъ“. Это была дань признатель-наго сердца. На ряду съ этимъ знаменательно и то, что Константинъ Великій старается успокоить язычниковъ. Онъ далекъ отъ мысли воздавать гонителямъ тою моне-тою, которою они платили христіанамъ. Язычники съ чув-ствомъ облегченія выслушали опредѣленія новаго законо-дательства.

Послѣднее обстоятельство для многихъ является со-блазномъ. Основанія здоровой вѣроисповѣдной политики нерѣдко вызываютъ противъ себя возраженія. Кажется, что какъ будто Константинъ Великій показалъ себя не достаточно искреннимъ христіаниномъ. Съ другой сторо-ны, нельзя сомнѣваться, что Миланскій эдиктъ былъ из-данъ императоромъ, сердечныя влеченія котораго были отнюдь не на сторонѣ язычниковъ. Отсюда возникло объ-ясненіе что Миланскій эдиктъ есть порожденіе холоднаго разсчета.

Напримѣръ, одинъ протестантскій ученый археологъ еще семнадцатаго вѣка, давая объясненія монетъ и меда-лей начала IV-го столѣтія, совершенно опредѣлено разви-валъ ту мысль, что Константиномъ Великимъ была употре-блена военная хитрость. Желая расположить къ себѣ хри-стіанъ своей арміи, онъ не постѣснился будто бы пред-сказать себя особымъ посланникомъ небесъ. Своей зада-чей онъ объявилъ войну противъ гонителей. Онъ сочи-нилъ будто бы сказаніе о видѣннн креста на небѣ и о по-велѣннн отъ самого Иисуса Христа устроить лабарумъ. Подобнымъ образомъ учебный авторъ примѣчаній къ пер-вому изданію Лактанціева сочиненія: „О смерти гоните-лей“, дѣлаетъ предположеніе, что Константинъ Великій

въ борьбѣ противъ Максенція дѣйствовалъ, какъ тонкій политикъ ¹⁾.

Вообще изъ протестантскихъ писателей очень немногіе склонны думать, что Миланскій эдиктъ требуетъ „благословенія предъ Божествомъ“ по чувству искренней преданности со стороны законодателя христіанской религіи. Отрицательное отношеніе ко всякой вообще церковной внѣшности ставитъ протестантскую науку въ противорѣчіе иногда съ несомнѣнными данными исторіи. Въ настоящемъ случаѣ протестантскіе изслѣдователи опасаются, чтобы сказаніе о томъ, что на законодательную дѣятельность Константина Великаго повліяло чудесное видѣніе креста, не послужило поводомъ къ молитвенному почитанію креста ²⁾.

Нельзя при этомъ не отмѣтить, какъ своеобразный курьезъ, что Магдебургскія цензуры находили еще возможнымъ держаться общехристіанскаго преданія по вопросу о побужденіяхъ, заставившихъ Константина Великаго, послѣ побѣды надъ Максенціемъ, издать Миланскій эдиктъ. Но римско-католическіе писатели той эпохи, въ пылу ожесточенной полемики противъ цензуръ, указывали на несомнѣтельность будто бы сказанія о видѣніи Константиномъ креста на небѣ.

Однако, въ слѣдующемъ столѣтіи уже совершенно измѣнилась картина. Римско-католическіе писатели съ настойчивостью ухватились за преданія вѣка Константина Великаго. Протестантскіе ученые, наоборотъ, стали позволять себѣ свободное къ нимъ отношеніе. При этомъ нельзя не имѣть въ виду, что истинному представленію о первомъ христіанскомъ императорѣ много вредитъ то направленіе въ исторической наукѣ, которое ставитъ для себя какъ-бы задачей ультракритическое отношеніе ко

¹⁾ Свѣдѣнія объ этихъ давнихъ отрицателяхъ искренности Константина Великаго находимъ въ очень цѣнной книгѣ французскаго аббата 18 вѣка *Du-Voisin* *Dissertation critique sur la vision de Constantin*. Paris, 1774.

²⁾ Еще совсѣмъ недавно финляндскіе сепаратисты возражали русскому правительству на требованіе установить присягу съ цѣлованіемъ креста, что они не могутъ исполнить это требованіе, ибо крестъ у нихъ не есть предметъ молитвеннаго почитанія.

всѣмъ общезвѣстнымъ преданіямъ. Все, гдѣ видимъ нѣчто мистическое, обыкновенно подвергается безпощадному отричанію, хотя бы за достовѣрность чуда говорили самые очевидные документы.

Обстоятельства, предшествовавшія изданію Миланскаго эдикта, представляютъ собою обширное поле, на которомъ изощряютъ критическую способность эти изслѣдователи. По сществу дѣла, твердо стоя на почвѣ историческихъ данныхъ, ничуть нельзя признавать эти обстоятельства спорными. Необходимо только отрѣшиться отъ предвзятой точки зрѣнія. Между тѣмъ спокойнаго и чисто научнаго отношенія къ данному предмету нельзя найти у представителей разныхъ школъ христіанскаго богословія. Протестанты и паписты спорятъ между собою о чудѣ видѣнія креста съ точки зрѣнія вѣроисповѣдныхъ принциповъ. Но есть и еще, такъ сказать, языческая точка зрѣнія на этотъ предметъ. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, въ Константинѣ Великомъ отрицаютъ всякую религіозность. Онъ рисуется, какъ человѣкъ съ весьма низкимъ моральнымъ развитіемъ. Говорятъ, что онъ запятналъ себя будио бы множествомъ преступленій. Какіхъ либо идеальныхъ порывовъ совершенно нельзя ждать отъ него.

Называемъ эту предвзятую точку зрѣнія языческою, потому что язычникамъ было естественно не довѣрять искренности Константина Великаго. Впослѣдствіи, одинъ аріанскій ¹⁾ историкъ начала V-го вѣка, Филосторгій ²⁾ далъ псевдо-историческій матеріалъ, чтобы представить личную жизнь Константина Великаго въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Этимъ матеріаломъ воспользовались Вольтеръ и энциклопедисты. Съ нескрываемой ироніей высказывалась въ восемнадцатомъ вѣкѣ та мысль, что

¹⁾ *А. И. Лебедевъ*. Церковная исторіографія въ ея главныхъ представителяхъ. Спб. 1903. Стр. 138—145

²⁾ Знаменитый въ свое время женевскій юристъ *Годефруа* издалъ въ 1642 году историческій трудъ Филосторгія и въ примѣчаніяхъ къ тексту высказалъ сомнѣніе въ дѣйствительности обращенія Константина Великаго въ христіанство.

Константинъ Великій былъ гораздо болѣе язычникомъ, чѣмъ христіаниномъ. Эта мысль подхвачена была историками Лебо и Гиббономъ. Затѣмъ ее съ разными видоизмѣненіями развивали многія выдающіеся ученые, на-примѣръ, Буркгартъ¹⁾, и даже знаменитый берлинскій профессоръ Гарнакъ²⁾ въ своихъ выводахъ находится подлѣ вліяніемъ этой же предвзятой точки зрѣнія.

Сооставляя между собою различныя точки зрѣнія на степень искренности, съ которою провозглашены въ Миланскомъ эдиктѣ высокія начала здоровой вѣроисповѣдной политики, мы приходимъ къ выводу, что необходимо разсмотрѣть болѣе подробно сказаніе о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали побѣдѣ надъ Максенціемъ. Разсмотримъ сказаніе о видѣніи Константиномъ креста на небѣ, о явленіи царю Самого Иисуса Христа и о послѣдовавшемъ за симъ обращеніи Константина Великаго въ христіанство.

Это сказаніе записано у двухъ современниковъ Константина Великаго. Оба они суть авторитетные источники историческаго знанія. Одинъ изъ нихъ—знаменитый Евсевій, епископъ Кесарійскій, именуется прямо отцомъ церковной исторіи. Другой изъ нихъ,—Лактанцій, былъ воспитателемъ дѣтей Константина Великаго. Болѣе подробно говоритъ Евсевій въ своемъ сочиненіи, которое озаглавлено: „Жизнь Константина“. Въ немъ ученый епископъ подробно и раздѣльно говоритъ, словами нерѣдко самого Константина Великаго, о видѣніи креста на небѣ, о явленіи Христа Константину, устроеніи лабарума для войскъ, пораженіи Максенція, о дѣлахъ благочестія Константина Великаго и о многомъ другомъ, что лучшимъ образомъ характеризуетъ перваго христіанскаго императора.

Лактанцій въ сочиненіи: „О смерти гонителей“, въ главѣ 48-ой упоминаетъ о явленіи Константину Великому Иисуса Христа, но не говоритъ о видѣніи креста на небѣ.

¹⁾ *Burkhardt*. Die Zeit Konstantin des Grossen. 3 Aufl. Leipz. 1898.

²⁾ *Harnack*. Die Mission und Ausbreitung der Christenthums in der ersten Jahrhunderten. Leipz. 1902.

Однако, содержаніе его разсказа таково, что явно подразумѣвается видѣніе Константиномъ Великимъ креста на небѣ, какъ такое событіе, которое сдѣлало императора убѣжденнымъ христіаниномъ. Разница по сравненію съ Евсеіемъ въ изложеніи событій объясняется тѣмъ, что Лактанцій, согласно задачѣ своего труда, не считалъ себя обязаннымъ останавливаться вполне подробно на этихъ событіяхъ.

Посмотримъ, какія соображенія заставляютъ насъ довѣрять сообщеніямъ Евсевія Кесарійскаго. Евсевій былъ другомъ Константина Великаго. Императоръ безгранично довѣрялъ этому епископу. Онъ любилъ бесѣдовать съ нимъ, какъ съ выдающимся ученымъ того времени. Обстоятельства обращенія своего въ христіанство Константина Великаго часто вспоминалъ въ разговорахъ съ нимъ. И вотъ историкъ передаетъ, что императоръ *съ клятвою* свидѣтельствовалъ ему о видѣніи имъ креста надъ солнечнымъ дискомъ съ надписью на крестѣ: *симъ побѣждаи*. Кроме того, императоръ говорилъ историку, что это чудесное видѣніе и небесное знаменіе было усмотрѣно не имъ только однимъ, но и всѣми, окружавшими царя, свитою, начальниками частей и простыми солдатами, кто только обратилъ тогда вниманіе на состояніе солнца. Совершенно въ такомъ же духѣ Константинъ Великій свидѣтельствовалъ о послѣдовавшемъ за этимъ видѣніемъ явленіи ему Иисуса Христа ночью, когда царь получилъ повелѣніе устроить лабарумъ на воинскихъ знаменахъ¹⁾.

Нѣчто мистическое усматривали въ дѣйствіяхъ Константина Великаго сами язычники. Успѣхи этого императора они объясняли тайными внушеніями свыше (*instinctu Divinitatis*). Въ точномъ согласіи съ разсказомъ Евсевія, языческой риторъ, поздравляя Константина съ побѣдою, отмѣчаетъ, что самъ Аполлонъ, т. е. солнце, даютъ внушенія царю, и онъ благоговѣнно слѣдуетъ этимъ внушеніямъ²⁾.

1) *Евсевій. Жизнь Константина*, I, 27—29; стр. 77—79; Спб. 1849.

2) *Panegyг. IX, 2; X, 14. Буассе. Паденіе язычества*. Стр. 29. М. 1902.

Миланскій эдиктъ, такимъ образомъ, есть памятникъ тѣхъ глубокихъ переживаній, которыми была волнуема душа императора. Но остались и другіе памятники, указывающіе на тѣ же событія. Напримѣръ, извѣстно, что встрѣченный съ триумфомъ въ Римѣ, Константинъ Великій воздалъ благодареніе Богу. Затѣмъ на одной изъ многолюдныхъ площадей города онъ приказалъ воздвигнуть статую. Она изображала собою императора съ мечемъ, который былъ поднятъ вверхъ и украшенъ крестомъ. На пьедесталѣ были начертаны слова: „этимъ спасительнымъ знаменемъ, истиннымъ символомъ добродѣтели и мужества, я освободилъ вашъ городъ отъ ига тиранна. Даровавъ свободу сенату и народу римскому, я возвратилъ имъ прежній блескъ“.

Конечно, тотъ лабарумъ, или византійское знамя, которое было въ употребленіи до послѣднихъ дней имперіи, есть также памятникъ обращенія Константина Великаго въ христіанство.

О всемъ этомъ Евсевій Кесарійскій подробно говоритъ въ „Жизни Константина“¹⁾. Перу этого же исторіографа дней Константиновыхъ принадлежатъ и другія сочиненія, въ которыхъ онъ рассказываетъ о тѣхъ же событіяхъ, хотя и не столь подробно. Въ честь Константина Великаго Евсевій составилъ двѣ похвальныя рѣчи. Одна изъ нихъ была произнесена на I Вселенскомъ Соборѣ. Эта знаменитая рѣчь его не дошла до насъ сполна. Однако, можно думать, что въ ней ораторъ не умолчалъ о чудесныхъ обстоятельствахъ обращенія царя въ христіанство. Другая похвальная рѣчь его была произнесена въ 335-мъ году, спустя двадцать три года послѣ побѣды надъ Максенціемъ. Въ этомъ панегирикѣ, обозрѣвая тридцатилѣтіе Константинова царствованія, Евсевій Кесарійскій вспоминаетъ событія 312 го года. Обращаясь къ царю, ораторъ говоритъ: „Царь всяческихъ указалъ тебѣ спасительное Свое знамя, и ты... одержать побѣду надъ печестивыми“. Евсевій Кесарійскій затѣмъ указываетъ въ панегирикѣ

¹⁾ I, 39. Стр. 86—87.

на то, какъ измѣнилось все государство подѣ влияніемъ того обстоятельства, что императоръ сталъ жить и дѣйствовать, какъ христіанинъ. „Вся страна покрылась храмами, съ крестами и священными изображеніями. Облекшись въ броню благочестія, ты противопоставилъ, говоритъ ораторъ, спасительное знамя толпѣ язычниковъ. Ты водрузилъ сей великій трофей среди царственного города и приказалъ почитать это спасительное знамя огражденіемъ римской власти и Римскаго государства“ ¹⁾.

Такая похвала императору была произнесена въ присутствіи всего синклита, войсковыхъ начальниковъ, епископовъ, народа и солдатъ. Многіе были свидѣтелями и очевидцами борьбы съ Максенціемъ. Многіе, кромѣ того, оставались еще язычниками. Тѣмъ не менѣе ораторъ смѣло припоминаетъ событія эпохи Миланскаго эдикта. Было бы очень странно, если бы онъ при этомъ вспоминалъ что либо явно небывалое. Неоднократное указаніе съ его стороны на небесное знаменіе (буквально: внушеніе съ неба) свидѣтельствуемъ намъ, что люди того вѣка прекрасно знали о томъ, что заставило ихъ повелителя выступить съ Миланскимъ эдиктомъ.

Не лишено интереса при этомъ, что въ изложеніи Евсевія, самъ Константинъ Великій часто говорилъ о своемъ обращеніи въ христіанство. Лучшія начинанія своего царствованія (въ томъ числѣ и Миланскій эдиктъ), побѣды надъ врагами, основаніе новой столицы и всѣ другія вѣковѣчныя дѣла Константина ставятся имъ самимъ въ связь съ призваніемъ отъ Бога, внушеніемъ отъ самого Христа. Нѣкоторая скромность и благоговѣніе не позволяли императору всякій разъ говорить подробно о душевномъ переворотѣ, который произошелъ съ нимъ во время похода изъ Галліи въ Римъ. Однако, благочестивый царь свидѣтельствуемъ о истинныхъ побужденіяхъ, которыя подвигли его на изданіе Миланскаго эдикта. Онъ говоритъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя не даютъ мѣста сомнѣніямъ въ искренности его христіанскихъ симпатій.

¹⁾ *Евсевій. Творенія. II, стр. 372.*

„Когда восхваляютъ мое служеніе, говоритъ онъ, началомъ котораго было внушеніе Божіе, не утверждаютъ ли этимъ, что виновникомъ моихъ подвиговъ былъ Богъ.... Люди слышали о битвахъ, видѣли войну, когда Божій Промыслъ награждалъ народъ побѣдою. Богъ снисходилъ на наши моленія“¹⁾).

Риторъ Лактанцій²⁾ передаетъ намъ совершенно въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и Евсевій, о религіозной настроенности Константина Великаго въ эпоху изданія Миланскаго эдикта. „На пятомъ году царствованія, читаемъ у Лактанція, Максенцій былъ побѣжденъ на Мильвійскомъ мосту 28-го октября, т. е. въ тотъ самый день, когда онъ вступилъ на царство. Константину было внушено въ сновидѣніи, чтобы онъ изобразилъ небесное знаменіе силы Божіей на щитахъ у солдатъ, и только послѣ этого вступилъ бы въ сраженіе. Константинъ такъ и сдѣлалъ, какъ ему было внушено. Обернувъ букву X и верхушку ея прикрывъ (греческою) буквою ρ, онъ этою монограммою обозначилъ имя Христова“. Затѣмъ слѣдуетъ краткое описаніе сраженія. Потомъ идетъ рѣчь о смерти Максенція, что ближайшимъ образомъ относится къ темѣ всего трактата³⁾. Выраженіе автора о лабарумѣ, какъ о *небесномъ знаменіи*, показываетъ, что ему хорошо извѣстно было сказаніе о видѣніи Константину Великому креста на небѣ. Да нельзя и думать, что ему, какъ воспитателю дѣтей императора, не было извѣстно объ этомъ событіи. При этомъ специальная апологетическая цѣль трактата не позволила ему обрисовать вполне отчетливо душевный переворотъ, пережитый Константиномъ, который

1) *Евсевій*. II, стр. 337.

2) Подлинность сочиненія Лактанція: „О смерти гонителей“, оспаривается многими учеными. Однако, покойный проф. В. В. Болотовъ не находилъ возможнымъ признать тѣ основанія, по которымъ это отрицаніе допускается, вполне достаточными, чтобы не придавать вѣса показаніямъ столь краснорѣчиваго и вдумчиваго писателя древности (см. отзывъ о сочиненіи проф. А. И. Садова: Древне-христ. писатель Лактанцій; Спб 1900)

3) *Lactantius*. De mortibus persecutorum; 44. Migne, t. 7. col. 260—262.

совершился въ немъ на пути изъ Галліи въ Римъ. Эта же апологетическая цѣль трактата заставила сдѣлать и еще одно отступленіе отъ Евсевія.—Лактанцій описываетъ дѣло такъ, что какъ будто лишь передъ самымъ сраженіемъ близъ Мильвійскаго моста Констанцій Великій получилъ внушеніе во снѣ устроить лабарумъ. Автору хотѣлось показать, что смерть гонителя—Максенція произошла именно отъ чудесной силы креста. Между тѣмъ, читая сообщенія Евсевія Цесарійскаго, можно думать, что видѣніе креста надъ солнцемъ было усмотрѣно вообще во время похода противъ Максенція. Можетъ быть, это было въ Италіи, но можетъ быть, и гдѣ либо вскорѣ по объявленіи похода, напримѣръ, въ лагерѣ близъ Трира или близъ Отюна, Безансона и другихъ пунктовъ, которые играли роль центровъ римскаго расположенія.

Изъ второстепенныхъ источниковъ той же эпохи мы имѣемъ свидѣтельство ритора Оптаціана Порфирія ¹⁾. Историкъ Лебо утверждаетъ, что это былъ язычникъ ²⁾. Если бы это утвержденіе было правдиво, свидѣтельство Оптаціана было бы для насъ вдвойнѣ важно. Однако, судя по содержанію панегирика, произнесеннаго ³⁾ этимъ риторомъ въ честь Константина, надо заключить, что онъ былъ скорѣй христіанинъ, чѣмъ язычникъ.

Оптаціанъ даетъ какъ бы совѣтъ императору, чтобы онъ всегда держался побѣднаго знамени и монограммы имени Христа, ибо это дастъ неизмѣнное счастье императорскимъ легіонамъ въ брани противъ варваровъ.

Но мы имѣемъ, кромѣ того, свидѣтельства двухъ несомнѣнно языческихъ риторовъ той же эпохи. Они оба въ похвалу Константину говорятъ, какъ и христіане, что „небо очевиднымъ образомъ выразило свое благоволеніе императору“. Припоминая обстоятельства пораженія Максенція, языческіе риторы, не стѣсняясь, высказываются о чудесныхъ знаменіяхъ въ воздухѣ, о внушеніи отъ Бога и о

¹⁾ Optatiani Porphyrii panegyricus. Migne, t 19, col. 395—431.

²⁾ *Le-Beau*. Hist. d. V. E. I, 102; p. 95

³⁾ Какъ можно думать, этотъ панегирикъ былъ произнесенъ еще при жизни Криспа, т. е. не позднѣе 326 го года.

сверхъестественной помощи Константину въ этой войнѣ. Лишь не называя Христа по имени, одинъ изъ этихъ риторовъ вопрошаетъ императора такими словами: „скажи, какое Божество внушило тебѣ, о Константинъ, чтобы ты, вопреки предсказаніямъ гаруспектовъ и наперекоръ всякимъ человѣческимъ расчетамъ, рѣшился освободить городъ Римъ отъ тиранна?“¹⁾

Другой язычникъ, знаменитый риторъ Назарій, говоритъ въ похвалу Константина Великаго, что Божество, которому императоръ неизмѣнно служитъ, есть „праведное существо“. Оно взвѣшиваетъ добродѣтель и порокъ. Оно-то именно и дало побѣду Константину надъ всѣми врагами. „Ты желалъ мира, однако, мы терпѣли отъ жестокаго тиранна. И вотъ Божество, неизмѣнно тебѣ покровительствующее, не услышало на этотъ разъ твоей мольбы о мирѣ на землѣ. Всѣ галльскія войска были свидѣтелями того, какъ тебѣ была послана небесная помощь. Легіоны восклицали: „мы хотимъ, чтобы Константинъ управлялъ имперіей“... Вообще рѣчь Назанія даетъ любопытныя данныя. Изъ нея открывается, на примѣръ, что жители Рима сами просили Константина прійти къ нимъ и избавить ихъ отъ жестокостей Максенція. Эта подробность очень знаменательна. Понегирикъ Назарія весьма благоприятствуетъ и тому впечатлѣнію, которое выносится изъ сообщеній Евсевія Кесарійскаго, что уже въ Галліи походъ на Максенція принялъ характеръ „крестоваго“ похода²⁾.

Къ эпохѣ болѣе поздней относится документъ, рисующій намъ всю искренность, съ которою Константинъ Великій выступилъ въ Миланскомъ эдиктѣ. Имѣемъ въ виду „Акты св. Артемія“. Этотъ мученикъ служилъ центуріономъ, какъ было уже сказано, въ арміи Константина. Въ дни Юліана Отступника онъ былъ допрошенъ влапо случаю обнаруженнаго имъ упорства въ защитѣ христіанскихъ идей. Вотъ что онъ отвѣчалъ о Константинѣ

¹⁾ Incerti auctoris panegyri. II, col. 655; Migne. t 8, col. 653—679.

²⁾ См. Буассье. Паденіе язычества. Стр. 22.

„Самимъ Иисусомъ Христомъ царь быть обращенъ ко Христу... Я самъ видѣлъ небесное знаменіе и читалъ надпись на немъ, какъ и всѣ, кто были со мною въ арміи. Изъ нихъ нѣкоторые живы еще теперь и продолжаютъ службу въ войскахъ“ 1).

Нѣсколько позднѣе христіанскій поэтъ Пруденцій воспѣлъ силу креста въ поэмѣ: „Противъ Симмаха“ 2). Извѣстно, что въ дни Граціана сенаторъ Симмахъ стоялъ во главѣ посольства, которое потребовало отъ императора возстановить въ сенатѣ статую побѣды. Пруденцій въ своей поэмѣ развиваетъ то убѣжденіе, что, начиная съ дней Константина Великаго, никто не долженъ сомнѣваться, что крестъ Христовъ есть единственное и вѣчное знамя побѣды.

Около этого же времени Руфинъ Аквилейскій написалъ свою Церковную исторію. Въ девятой книгѣ, главѣ 9-ой, историкъ сообщаетъ о сраженіи при Мильвійскомъ мостѣ 3). Онъ рисуеъ душевное настроеніе Константина Великаго въ это время строго христіанскимъ. Хотя подробности событія изображаются у этого историка не совсѣмъ правильно, равно какъ и у Созомена 4), однако истинное зерно, записанное у Евсевія и Лактанція, возстановить не трудно.

Но вотъ, кромѣ всего этого, мы имѣемъ еще свидѣтельство аріанскаго историка Филосторгія. Патріархъ Фотій въ своей Библіотекѣ дѣлаеъ обзоръ содержанія „Церковной исторіи“ этого писателя 5). Не смотря на то, что, по отзыву Фотія, вся исторія Филосторгія есть не болѣе, какъ сатира и помфлетъ на православную церковь, тѣмъ не менѣе въ отношеніи къ факту обращенія Константина Великаго въ христіанство у Филосторгія мы встрѣчаемъ приблизительно то же самое, что и у Руфина.

1) Metaphr. c. 29, octob. 20. Migne, gr t. 115, col. 1191—1197.

2) Prudentius. Contra Symmach. Migne, t. 40, col. 157—174.

3) Rufinus. Hist. Eceles. Basileae. 1587. Pag 113—115.

4) Созоменъ. Церк. Ист. русск. перев. 1851. Спб.

5) Филосторгій. Сокращ. Церк. Ист. I, 6: стр. 320. Русск. перев.

Сказаніе о призваніи Константина Великаго въ христіанство вошло, какъ непреложная истина, во всѣ историческіе труды послѣдующихъ церковныхъ и свѣтскихъ писателей. Мы поэтому не будемъ передавать, какъ это сказаніе записано у Сократа или Θεодорита. Но мы остановимся на изложеніи Геласія Кизическаго ¹⁾. Оно относится ко второй половинѣ пятаго вѣка. Геласій былъ однимъ изъ преемниковъ Евсевія по его кесарійской кафедрѣ. Это преемникъ также ученыхъ его занятій. Онъ извѣстенъ, какъ авторъ „Исторіи Никейскаго Собора“. Въ этомъ сочиненіи Геласій Кизическій не только повторяетъ сообщенія Евсевія Кесарійскаго, но пытается защитить эти сообщенія отъ возможныхъ возраженій. Въ чудесномъ видѣніи Константину креста на небѣ ни іудеи, ни язычники не должны сомнѣваться, потому что, говоритъ Геласій, у іудеевъ и язычниковъ слишкомъ много чудеснаго разсказывается въ ихъ собственныхъ книгахъ. Какъ видимъ, аргументъ Оригена относительно чудесъ Христовыхъ ²⁾, оказался полезенъ Геласію Кизическому въ сужденіяхъ о чудѣ обращенія Константина Великаго въ христіанство.

Кромѣ сочиненій историковъ и другихъ писателей, мы имѣемъ множество вещественныхъ памятниковъ той эпохи. Изъ нихъ очень многіе существуютъ до настоящаго времени. Другіе уже исчезли. Однако, они были хорошо описаны. Многіе изъ нихъ говорятъ о моментѣ, когда совершился переломъ въ историческомъ ходѣ развитія народовъ Европы. Мы уже знаемъ о статуѣ, которую соорудилъ въ Римѣ самъ Константинъ. Но интересно то, что, по приказанію того же императора, художественное изображеніе Господа Иисуса Христа было поставлено въ вестибюль Большаго Дворца въ Константинополѣ. Византійцы воздавали этому изображенію благоговѣйное почитаніе. Они въ немъ видѣли чудотворную силу и покровителя имперіи, такъ какъ съ этимъ изображеніемъ было

¹⁾ *Gelasius Cyz. Hist. Nic. Conc. Migne, t. 85: col. 1202—1207.*

²⁾ Противъ Цельса; I, 37; р. п. стр. 62—63. Казань. 1912.

связано преданіе о томъ что въ этомъ именно видѣ явился Христось во снѣ Константину Великому во время войны противъ Максенція.

Кромѣ того, римляне соорудили триумфальныя ворота въ честь Константина. Въ надписи, которую сдѣлалъ художникъ на этомъ сооруженіи, было сказано, что, по внушенію отъ Бога, Константинъ освободилъ Римъ отъ Максенція ¹⁾. Сенатъ преподнесъ Константину золотое изваяніе лабарума ²⁾. Сохранился отъ той же эпохи бюстъ Константина Великаго съ короною. Она украшена драгоценными камнями. Императоръ изображенъ съ пикою въ одной рукѣ и со щитомъ въ другой, а между этими эмблемами военнаго званія крестъ съ надписью подъ нимъ: gloria exercitus. Съ различными вариантами это изображеніе перваго христіанскаго императора сохранилось на многихъ монетахъ и медаляхъ. При этомъ нерѣдко наблюдается, что военный шлемъ императора украшенъ, какъ бы кокардою, изображеніемъ лабарума. Этому знамени усвоятся эпитеты: spes publica, gloria rei publicae и подобныя выраженія.

Наконецъ, есть и еще одинъ памятникъ того радостнаго состоянія, въ которомъ находился христіанскій міръ въ эпоху Миланскаго эдикта. Это праздникъ *всемірнаго воздвиженія креста Господня*. Св. Димитрій Ростовскій, въ полномъ согласіи съ древнѣйшими четь-минейными списками, а также съ содержаніемъ церковныхъ пѣснопѣній этого дня, говоритъ, что въ этотъ день церковь празднуетъ многоразличныя проявленія благодатной силы креста Христова. Первое изъ нихъ есть то явленіе креста на небѣ царю Константину, которое сдѣлало этого правителя искреннимъ христіаниномъ. Если бы не совершилось этого чуда, можетъ быть, еще долго христіане жили бы подъ дѣйствіемъ лишь „толерантныхъ“ законовъ языческаго государства.

Но Христось крестомъ одержалъ побѣду надъ сердцемъ императора. Проросло сѣмя; огъ малаго ростка оно

¹⁾ *Baronius. Annal.* 312. Col. 87 et sequ.

²⁾ *Incerti panegyricus Constantino Augusto.* Migne, t. 8. Col. 653 - 672.

выросло въ могучее дерево, которое покрыло вселенную ¹⁾. Въ Миланскомъ эдиктѣ Константинъ Великій выступаетъ передъ подданными, какъ убѣжденный христіанинъ. Онъ далекъ отъ мысли огнемъ и мечемъ истреблять язычниковъ. Отнынѣ онъ знаетъ, что побѣда надъ врагомъ зависить отъ Бога. Какъ *сильный во бранехъ*, открылся ему Богъ. Съ этого началось возростаніе новой жизни въ сердцѣ императора.

Дальнѣйшее развитіе христіанскихъ началъ въ душѣ Константина Великаго совершалось въ грудныхъ условіяхъ многозаботливой мірской жизни императора, т. е. такого человѣка, на которомъ сосредоточены мірскіе интересы многихъ честолюбцевъ. Правда, Константинъ Великій окружилъ себя во дворцѣ и въ лагерь епископами, священниками и монахами. Но онъ не могъ въ то же время не считаться, какъ мудрый правитель, съ косностью языческаго большинства имперіи. Поэтому ни лабарумъ, ни значительная часть другихъ предметовъ общественнаго чествованія той эпохи нарочито не имѣютъ рѣзко выраженнаго христіанскаго содержанія ²⁾. Едва ли можно ставить это въ вину императору. Его искренняя набожность и добрая христіанская настроенность достаточно засвидѣтельствованы для насъ. Совершенно такъ же мы не ставимъ въ вину древнимъ христіанамъ первыхъ трехъ вѣковъ, что они почитали Господа Иисуса Христа подъ видомъ Орфея, или подъ видомъ рыбы, или подъ образомъ пастыря добраго съ овцою на раменахъ. Эти трогательныя эмблемы древне-христіанскаго благочестія ничуть не даютъ повода думать, что религіозныя воззрѣнія древнихъ христіанъ были неопредѣлены. Ровно никто не въ правѣ заподозрить искренность обращенія ко Христу того, кто почиталъ „спасительное небесное знаменіе“ креста подъ видомъ лабарума.

Но если законы душевнаго развитія нравственной личности таковы, что послѣ прорастанія сѣмени мы должны

¹⁾ Мѡ. 13, 31; Лк. 2, 1.

²⁾ А. Спасскій. Обращ. Константина Великаго. Стр. 31. С. Пос. 1904.

терпѣливо ожидать дальнѣйшаго роста, то въ жизни царя, при тщательномъ разсмотрѣніи, можно намѣтить еще одинъ моментъ развитія нравственной личности. Для насъ представляется важнымъ остановиться на этомъ, ибо здѣсь мы имѣемъ возможность указать на то, какую цѣну надо придавать языческой точкѣ зрѣнія на обращеніе Константина Великаго въ христіанство.

Обращаемъ вниманіе на тѣ обстоятельства личной жизни Константина Великаго, когда онъ, уже по изданіи Миланскаго эдикта, выступаетъ предъ потомствомъ, какъ виновникъ казни Криспа, лучшаго изъ сыновей своихъ, и Фаусты, жены своей и императрицы, безъ надлежащаго судебного разбирательства.

Это обстоятельство, конечно, печальное и несчастное въ жизни царя. Можно думать, что государственная необходимость, ясно имъ сознавая, побудила его рѣшиться на этотъ шагъ ¹⁾. Мы знаемъ тяжелую драму въ жизни Петра Великаго, разыгравшуюся вокругъ личности царевича Алексѣя Петровича. Но въ частной жизни Константина Великаго это семейное несчастье разсматривается подъ особымъ угломъ зрѣнія. Оно ставится въ связь съ исторіей обращенія Константина Великаго въ христіанство. Виновникомъ такой постановки вопроса является языческой историкъ Зосима ²⁾.

Согласно кощунственному разсказу этого историка, Константинъ Великій въ 326-мъ году совершилъ путешествіе въ Римъ. Какъ будто бы кровожадный и властолюбивый тиранъ, онъ казнилъ тогда много знатныхъ лицъ. Въ числѣ ихъ погибли Фауста и Криспъ. Но мученія совѣсти терзали императора. Тогда онъ у язычниковъ, философовъ и жрецовъ, сталъ искать оправданія своему поведенію. И никто не желали его успокоить. Онъ отвергнулъ быль язычниками, какъ человекъ, запятнавшій совѣсть тяжкими преступленіями. Тогда какой то египтянинъ внушилъ царю мысль, что христіанскіе священники охотно простятъ ему всякое преступленіе. Съ того времени Константинъ сдружился съ епископами и монахами. Они

¹⁾ Правос. Обзор. 1890. Стр. 73 99 ²⁾ *Zosimus*. II, 29. Migne. t. 20.

окончательно отвратили его отъ древняго римскаго благочестія ¹⁾).

Но мы знаемъ, что Константинъ Великій окружилъ себя духовными лицами еще со времени таинственнаго видѣнія креста на небѣ, да и ранѣе, во дни кроткаго воспитанія царицею Еленою, Константинъ часто видѣлъ строгіе лица святителей и подвижниковъ въ родномъ домѣ. Однако, въ сообщеніяхъ Зосимы можно найти разгадку нравственнаго развитія императора. Кровавыя событія въ семейной жизни замѣтнымъ образомъ измѣнили его самосознаніе. Они не были причиною его обращенія въ христіанство. Но они содѣйствовали ему углубиться въ христіанскія идеи. Часто наблюдаемъ, что Богъ злая дѣла обращаетъ къ добрымъ послѣдствіямъ.

Десять слишкомъ лѣтъ императоръ стоялъ на той примитивной ступени христіанскаго міропониманія, когда Христосъ ему представлялся *сильнымъ во бранехъ*. Глубокая вѣра эта сдѣлала свое дѣло. Даже враги царя и тѣ не могли не видѣть, что Константину принесла необыкновенное счастье крестная хоругвь, съ которою его легіоны не расстаются день и ночь.

Но вотъ, когда вся имперія покорилась этому новому культу, когда уже побѣжденъ былъ Ликиній, когда церковь отпраздновала свой первый Вселенскій Соборъ, въ душѣ Константина Великаго произошелъ новый переломъ. Въ кроткомъ образѣ „Отрока Господня“ былъ усмотрѣнъ имъ не воинственный жаръ Марса, но призывъ къ покаянію. Крестъ сталъ разсматриваться, не только какъ знакъ мужества, но какъ символъ всепрощающей любви. Это началось, можно думать, въ тотъ острый моментъ личной жизни Константина, когда Осія, епископъ Кордубскій ²⁾, или какъ говорить Зосима, какой-то египтянинъ, пришелъ къ нему и сказалъ, что уныніе есть грѣхъ передъ Богомъ. Ему вновь было сказано: „*симъ побѣждай*“, т. е. крестомъ Иисуса Христа данъ залогъ побѣды надъ стра-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Такое предположеніе дѣлаетъ Буркгартъ. См. А. Спасекій. Обр. К. В. Стр. 20.

стями, надъ гнѣвомъ, раздражительностію, уныніемъ и всѣмъ, что унижаесть достоинство человѣка и христіанина.

Законодательная дѣятельность императора съ того времени проникнута высокою рѣшимостью прогнать и стравить нравственной распущенности язычниковъ. Такимъ же характеромъ отличаются, за этотъ періодъ въ жизни царя, всѣ выступленія его по дѣламъ церковнымъ. Это время просвѣтленнаго нравственнаго состоянія. Такъ, онъ ополчился противъ половыхъ низверженій¹⁾. Вотъ онъ возлагаетъ на себя обязанность епископа вѣшнихъ дѣлъ церкви. Задачей правителя онъ объявляетъ служеніе Богу, дабы родъ человѣческой призвать на служеніе священнѣйшему закону и возрастить на землѣ блаженнѣйшую вѣру²⁾. Вотъ онъ запрещаетъ распинать на крестѣ, преломлять голени осужденнымъ на смерть, огмѣняеъ гладіаторскіе бои, смягчаетъ законы, враждебныя дѣвству, даетъ церкви право освобождать изъ рабства, а епископамъ даетъ полномочія такъ называемаго посредствующаго суда³⁾.

Этими мѣропріятіями Константинъ Великій запечатлѣлъ свою глубокую преданность христіанскимъ началамъ жизни. Когда же наступило время закончить земные счета и завершить подвиги временной жизни, Константинъ Великій достойно приготовился къ переходу въ блаженную вѣчность. Въ Асквиронскомъ дворцѣ, который былъ построенъ въ предмѣстьи Никомидіи, онъ принялъ св. крещеніе отъ руки епископа никомидійскаго Евсевія. Это, неповторяемое, при условіи правильнаго совершенія, таинство было совершено надъ нимъ еретическимъ епископомъ. Но великій царь былъ возрожденъ еретикомъ не для укрѣпленія его духа въ заблужденіяхъ аріанской ереси, а для непосредственнаго слѣдованія въ небесныя обители.

Въ сіяніи душевнаго восторга, великій императоръ отошелъ къ Богу въ день пятидесятницы 337-го года.

Да будетъ благословенна память его въ роды родовъ!

1) *Евсевій*, Жизнь Константина, II, 28, стр. 129. III, 55—58: стр. 201—214. IV, 25; стр. 245. 2) *Ibid*

3) *Созоменъ*, I, 8; р. п., стр. 35—36.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru